К. РАЙТЦ

Райтц Кристиане (Reitz Christiane)
PhD
профессор, Институт антиковедения им. Генриха Шлимана, Ростокский университет (Германия)
D-18051 Rostock, Universitätsplatz 1, Germany
Тел.: +49 (0) 381-498-2781
E-mail: christiane.reitz@uni-rostock.de

Политическая аллюзия и «поучительные примеры» в эпической поэме Силия Италика «Пуника»[1]

Аннотация. Вместо попыток доказать наличие политических аллюзий и политических высказываний в эпической поэзии, более продуктивным представляется выявление современных ей источников. В статье предлагается прочтение эпической поэмы Силия Италика о II Пунической войне с оглядкой на произведение Валерия Максима «Достопамятные деяния и изречения». Благодаря сопоставлению этих двух очень разных литературных произведений с очевидностью выявляется использование «поучительных примеров» (exempla) как способ мышления, повествования и оценки исторических фактов.

Ключевые слова: Силий Италик, Валерий Максим, «поучительные примеры», парадигма, «Достопамятные деяния и изречения», Сципион Африканский, сражение при Каннах, Квинтилиан

Моя статья посвящена двум авторам, которые лишь недавно привлекли к себе пристальное внимание исследователей. Один из них — эпический поэт Силий Италик — считался эпигоном, подражателем Вергилия, а кроме того, получив при Нероне консульство, он имел сомнительную репутацию доносчика и недалекого политика. Позже он ушел на покой и вел спокойную безбедную жизнь, посвятив себя поэзии. Однако панегирические пассажи его пространной эпической поэмы «Пуника» свидетельствуют о его преданности режиму и лично императору Домициану. Плиний Младший в

[1] Благодарю организаторов Международной научной конференции «Гаспаровские чтения — 2017», особенно профессора Н. П. Гринцера, за приглашение в Москву и за возможность поделиться своими мыслями с российскими коллегами.

© К. РАЙТЦ (CH. REITZ)
© Е. В. ИЛЮШЕЧКИНА, пер. с англ.

письме (Plin. ep. III 7) по поводу кончины Силия характеризует его как персону без тех явных убеждений и яркого таланта, которые были свойственны его современнику (и, по-видимому, сопернику), эпическому поэту Стацию[2].

Второй — Валерий Максим — на протяжении веков был чрезвычайно популярным автором. Его собрание «деяний и изречений» знаменитых мужей служило пособием для историков и художников, а сохранившиеся во множестве рукописные списки говорят о его широкой популярности. В то же время было бы явной ошибкой пытаться переписать биографию жившего во времена Тиберия автора, сделав из него оппонента недавно установленного и крепнущего режима принципата, защитника республиканских ценностей против монархических настроений в окружении принцепса[3].

Растущий интерес к проблеме «поучительных примеров» со стороны историков и филологов помещает Валерия Максима из разряда латинских авторов «для начинающих» в сферу актуальных научных исследований[4]. Использование «поучительных примеров» стало для римлян продуктивным и даже, можно сказать, ключевым в вопросах морального поведения, политических суждений и исторической оценки. «Поучительные примеры» — это также ключ к пониманию богатой традиции римской истории с точки зрения ее позднейшей литературной и художественной рецепции. Многочисленные изображения деяний знаменитых героев и героинь, особенно республиканского периода, непонятны без определенного знания римской истории и данных просопографии[5].

В этой статье я попытаюсь совместить две области — эпическую поэзию эпохи Флавиев и «поучительные примеры» римской культуры. Моя гипотеза состоит в том, что объединение прочтений Силия Италика и Валерия Максима может оказаться плодотворным и позволит глубже понять структуру латинской эпической поэзии и ее рецепцию.

Говоря о Валерии Максиме, следует добавить, что я рассматриваю «Достопамятные деяния и изречения» лишь как один из, по всей видимости, многочисленных сборников, в которых были объединены известные exempla доблестных поступков и высказываний. Сборник Валерия Максима представляет собой произведение в девяти книгах, позднее дополненное эпитомами Юлия Париса и Януария Непоциана, а также кратким фрагментом X книги под заглавием «De praenominibus». Полагаю, что распределение исторического и

[2] Исчерпывающую проработку интерпретаций и новейших исследований, посвященных творчеству Силия Италика, см. в недавнем издании [Augoustakis 2009]. Историографический обзор намерен представить Ф. Шаффенрат (F. Schaffenrath) в готовящихся к публикации материалах научной конференции «Классика и классицизмы в литературе: от эпохи ранней Римской империи до итальянского Ренессанса», организованной К. Шиндлер и М. Фёкинг в 2016 г. в Гамбурге [Schindler, Föcking (forthcoming)].

[3] Всестороннюю интерпретацию произведения Валерия Максима и современных ему авторов см. в [Wiegand 2013] (рец.: [Reitz 2014]).

[4] См. исследования Мэтью Роллера [Roller 2004], Мишеля Лоури [Lowrie 2010], а также Ребекки Лэнгландс. Последняя работает над проектом «Герои и лидеры: каким образом ролевые модели формируют стиль жизни», в рамках которого, помимо прочего, опубликовала статью [Langlands 2011]. Готовится к печати сборник статей (под редакцией M. Lowrie и S. Lüdemann), посвященный «поучительным примерам» и самобытности в литературе. См. также: [Luccarelli 2007; Wiegand 2013].

[5] См., например: [Reitz 2016].

литературного материала, в особенности exempla, по рубрикам было широко распространенным явлением. Доказательством тому служат существовавшие компиляции, флорилегии, эпитомы, обзоры содержания и даже «краткие тезисы» в качестве вступления к отдельному произведению, а также литературные формы, помогающие ориентироваться в пространных и сложных текстах (например, периохи Тита Ливия)[6]. То же верно и в отношении лексиконов, словарей, а также мифографических сборников и исторических exempla. Так, Квинтилиан, говоря в «Воспитании оратора» (XII 2, 30) о связи между риторикой и другими дисциплинами, а именно философией, и о разнице между греческой «парадигмой» и римским «примером», вопрошает:

> An fortitudinem, iustitiam, fidem, continentiam, frugalitatem, contemptum doloris ac mortis melius alii docebunt quam Fabricii, Curtii, Reguli, Decii, Mucii aliique innumerabiles?
>
> Кто лучше научит нас отваге, справедливости, верности, воздержанию, умеренности, презрению к мучениям и к самой смерти, как не Фабриции, Курции, Регулы, Деции, Муции и многие другие?

Таким образом, можно быть уверенным не только в том, что использование exempla, которое мы наблюдаем в риторике, философии и в эпической поэме Силия, представляло собой привычные школьные упражнения, которое усваивал и практиковал юный оратор, но и в том, что существовали еще и многочисленные сборники, а также литературные формы, способствующие группированию материала по темам и его запоминанию.

Я отнюдь не утверждаю, что «поучительные примеры» в такого рода древнеримских практических пособиях соперничали с другими способами мышления, чтения или самовыражения. Тем не менее хочется подчеркнуть, что подобные exempla, а также их быстрое, даже неожиданное использование, существовали всегда и выступали в роли интеллектуального и риторического приема, привычного для любого представителя римского политического и литературного сообщества.

Однако каким образом это может повлиять на наше прочтение эпической поэзии, в частности поэмы Силия Италика?

На современном уровне развития науки новейшие электронные программы и ресурсы (например, предоставляемые проектом по интертекстуальности в латинских текстах Tesserae[7]) позволяют обнаружить практически любую доступную лексическую параллель. На деле традиционная Quellenforschung (исследование источников) становится более актуальной, чем прежде[8]. Новые методологические подходы (или «повороты») приводят к новым интерпретациям и открытиям — политическим и метапоэтическим прочтениям; недавно возник интерес к проблеме металепсиса, не говоря уже о других подходах. Однако порой подобные «повороты» и тенденции страдают односторонностью, в то время как другие компоненты упускаются из виду. Поэтому в мою задачу

[6] Об этой проблеме в целом см.: [Horster, Reitz (forthcoming); 2010].
[7] http://tesserae.caset.buffalo.edu.
[8] См., например: [Radicke 2004].

входит продемонстрировать, что не следует удовлетворяться лишь каким-то одним прочтением, и необходимо использовать самый разнообразный инструментарий.

Какое отношение ко всему этому имеют «поучительные примеры»? Далее я разберу несколько примеров из поэмы Силия Италика и труда Валерия Максима. Моя цель заключается в том, чтобы показать, что сопоставление текстов этих двух авторов позволяет не только проникнуть в существо фактического материала, но и по-новому взглянуть на спорную структуру эпической поэмы.

Так, в «Пунике» (XIII) Сципион, впоследствии ставший Сципионом Африканским, спускается в подземный мир, чтобы получить совет отца и дяди, убитых во время сражения в Испании. В стт. 666–667 Сципион-отец первым обращается к сыну: «Verum age, fare, decus nostrum, te quanta fatiget / militia». Конечно, римские воины не склонны к проявлению эмоций, однако слово militia в самом начале пассажа примечательно. Сципион-сын только что встретил тень матери и узнал о своем возможном происхождении от Юпитера, а его реальный отец ведет себя с ним, как старший по званию вел бы себя с низшим чином, встретив того в военном ведомстве или среди других военнослужащих. Для меня подобное бесчувствие становится понятным, если смотреть на Сципионов — fulmina belli («грозных героев войны») — глазами читателя Валерия Максима. У Валерия Максима то, как Сципион-сын справился с ситуацией в Испании, является показательным «примером» установления или даже восстановления военной дисциплины. В нескольких пассажах Валерий Максим оговаривает способность молодого Сципиона справиться с войском на марше. Публий Корнелий Сципион — первый exemplum, упомянутый Валерием Максимом под рубрикой «О военной дисциплине»[9]. Вообще Сципион Африканский — одна из наиболее выдающихся личностей в «Деяниях и изречениях»; зачастую он появляется раньше других в исторических анекдотах или в излагаемых более или менее подробно пассажах.

Рассказ Сципиона-дяди, который вкратце приведен далее в «Пунике», повествует о том, о чем Сципиону-племяннику, по всей вероятности, уже было известно, и подтверждает предположение, что все три члена семьи (Сципион-отец, Сципион-дядя и Сципион-сын) рассматривают друг друга и самих себя с точки зрения показательной доблести. Рассказ Сципиона-дяди о том, что он отправился навстречу смерти[10], не имеет четкой параллели у Валерия Максима, но сама смерть Сципионов упоминается часто. Это событие известно столь хорошо, что достаточно краткой аллюзии[11], представляющей прекрасный «пример» достойнейшего поступка, на который способен римский гражданин, — умереть за родину (ср. mors pro patria).

---

[9] Val. Max. II 7, 1 (De disciplina militari): P. Cornelius Scipio, cui deleta Carthago avitum cognomen dedit, consul in Hispaniam missus ‹…› erecta et recreata virtute ‹…› Itaque neglectae disciplinae militaris indicium Mancini miserabilis deditio, servatae merces speciosissimus Scipionis triumphus exstitit. Ср. также: Liv. per. 57; Front. strat. IV 1, 1; Plut. mor. 201B; App. Ib. 85, 367–368; Polyaen. VIII 16, 2; Flor. I 34, 8–10; vir. ill. 22–37.

[10] Sil. Pun. XIII 692 сл. (Cn. Cornelius Scipio): …nil nomine leti / de superis queror: haud parvo data membra sepulcro / nostra cremaverunt in morte haerentibus armis.

[11] Val. Max. VIII 15, 4; о всей семье и ее заслугах см.: III 7, 1.

Иным предстает в «Пунике» короткий отрывок о самоубийстве Тибурны[12]. После пережитого приступа безумия Тибурна взывает о смерти над телом усопшего мужа. Разумеется, как уже было верно отмечено, этот эпизод, полный драматизма, даже трагизма, соотносится с тем несчастьем, которое обрушилось на город Сагунт, — с первым настоящим военным успехом карфагенян в начавшейся войне. Молодая вдова Тибурна находится в состоянии эмоционального срыва, исступления — и это подтверждает следующее затем эпическое сравнение. Однако сам ее поступок (вдова, храня супружескую верность, следует за умершим супругом) становится показательным проявлением fides coniugalis (супружеской верности) и amor coniugalis (супружеской любви). У Валерия Максима есть несколько схожих exempla, например, о Порции, дочери Катона Утического, последовавшей за своим умершим супругом Брутом. Узнав о его гибели, она просит клинок, чтобы покончить с собой; но тщетно, поскольку ее оберегают члены семьи. Тогда она глотает горящие угли из погребального костра и, таким образом, погибает.

Бен Типпинг (Ben Tipping) подробно проанализировал структурное значение exempla в «Пунике» [Tipping 2010a; 2010b]. Так, поступки и стратегии Фабия Кунктатора, определившие ход войны и направление римской политики в общем, являются основной темой VII и VIII книг «Пуники». Фабий персонифицирует собой spes unica (единственную надежду, VII 1), а в VI 16–19 он встроен в линию прошлого своей семьи и в славную историю Рима (это касается не только указанных книг, но и многих других пассажей «Пуники»). Однако «поучительные примеры» используются не только как структурный прием; гораздо более компактную аллюзивную технику, которую можно наблюдать у Валерия Максима, находим также в поэме Силия Италика.

Фабий помещен в последовательный ряд знаменитых мужей, прославивших свое отечество[13]. Подобно Квинтилиану (чей отрывок из книги XII я упоминала выше), Валерий Максим перечисляет выдающихся мужей из прославленных родов, прибегая к хорошо известной литературной форме каталога, или к канону. В цитируемом отрывке Валерий Максим упоминает Камиллов, Сципионов, Фабрициев, Марцеллов, Фабиев, продлевая свой перечень в панегирическом тоне вплоть до своих современников, членов императорской семьи (имея в виду, вероятно, Гая Юлия Цезаря, Октавиана Августа, Тиберия). Множественное число (Camilli: «мужи, как Камилл»), возможное в латинском языке, также используется, например, Цицероном[14]. Сам Фабий, похоже, был

[12] Sil. Pun. II 665–70: Ecce inter medios caedum Tiburna furores, / fulgenti dextram mucrone armata mariti / et laeva infelix ardentem lampada quassans / squalentemque erecta comam ac liventia planctu / pectora nudatis ostendens saeva lacertis, / ad tumulum Murri super ipsa cadavera fertur. Ср. Val. Max. VI 7: De fide uxorum erga viros; ср. Marcia Reguli, Sil. Pun. VI 403 и 675; Val. Max. IV 6 (De amore coniugali; среди прочих — Порция, дочь Марка Катона и жена Брута).

[13] Val. Max. II 1, 10 (De institutis antiquis): Maiores natu in conviviis ad tibis egregia virorum opera carmine comprehensa pangebant, quo ad ea imitanda iuventutem alacriorem redderent. ‹…› quas Athenas, quam scholam, quae alienigena studia huic domesticae disciplinae praetulerim? inde oriebantur Camilli, Scipiones, Fabricii, Marcelli, Fabii, ac ne singula imperii nostri lumina simul percurrendo sim longior, inde inquam caeli clarissima pars, divi fulserunt Caesares.

[14] Cic. In Pis. 58: O stultos Camillos Curios Fabricios Colatinos Scipiones Marcellos Maximos! amentem Paulum, rusticum Marium, nullius consilii patres horum amborum consulum qui triumpharunt! Ср. Cic. Phil. XI 17.

хорошо осведомлен о собственной исключительности. Это становится особенно заметно, когда он приводит exemplum Камилла в качестве собственной (неудавшейся) попытки отговорить Минуция от намерения вступить в битву (Pun. VII 557)[15]. Правильное использование «примера» приводит к успеху; и наоборот — пренебрежение им дает неудачный результат (omnia devicta: Pun. VII 578). Следование надлежащему exemplum означает победу над страхом, врагом, гневом и завистью (metus, Hannibal, irae et invidiae) и, в конце концов, невозможное становится возможным: una fama et fortuna subactae. Также и в сражении следование верному «примеру» доказывает верный и единственно возможный путь к отважному поведению, сулящий успех или по меньшей мере славу (laus)[16]. Воины знают, за кем следовать и чьему приказу подчиняться, и, наконец, устраивают своему полководцу овацию. Таким образом, повествование подтверждает, что использование «поучительных примеров» и следование им ведет к успеху и славе. В решающие моменты в этих пассажах именно exemplum меняет ход событий[17].

У Силия, как и в любом другом повествовании, разумеется, есть и дурные «примеры». Один из них — Варрон. Читатель, конечно, осведомлен о беде, случившейся в результате его поспешных и недальновидных действий. Но каким образом он смог достичь столь высокого положения в государстве и занять место в системе, где fortitudo, patientia, constantia, moderatio, prudentia, disciplina и другие доблести кажутся столь необходимыми предпосылками для политического деятеля? В пассаже VIII 253 Варрон упомянут в перечне показательных политиков: он — labes (позор), он запятнан[18].

Варрон достиг своего положения, изначально происходя из низшего сословия, что не столь плохо само по себе, и Валерий Максим дает несколько «примеров» таких личностей, которые, подобно Сократу (среди «чужестранных exempla»), достигли положения в обществе и стали известными. Однако

---

[15] Sil. Pun. VII 557 (Фабий о Камилле): Quantus qualisque fuisti, / cum pulsus lare et extorris Capitolia curru / intrares exul! tibi corpora caesa, Camille / damnata quot sunt dextra! pacata fuissent / ni consulta viro mensque impenetrabilis irae, mutassentque solum sceptris Aeneia regna, / nullaque nunc stares terrarum vertice, Roma. О Камилле у Валерия Максима ср. Val. Max. V 3, 2 (о неблагодарности) — об удалении Камилла в изгнание, Val. Max. IV 1, 2 (об умеренности) — о триумфе Камилла.

[16] Sil. Pun. VII 578: (Фабий) haud prorsus daret ullus honos tellusque subacta / Phoenicum et Carthago ruens, iniuria quantum / orta ex invidia decoris tulit; omnia namque / dura simul decita viro, metus, Hannibal, irae / invidia, atque una fama et fortuna subactae. См. также: Pun. VII 733 (малый триумф Фабия).

[17] Sil. Pun. VII 617: Necnon exemplo laudis furiata iuventus / Sullaeque Crassique simul iunctusque Metello / Furnius ac melior dextrae Torquatus, inibant / proelia et unanimi vel morte emisse volebant / spectari Fabio. См. Val. Max. II 2, 4 (о Фабии Максиме): uir et iam pridem summae auctoritatis; III 2, 8 mira virtute; III 8, 2: Atque ista quidem seueritatis, illa uero pietatis constantia admirabilis, quam Q. Fabius Maximus infatigabilem patriae praestitit. Val. Max. VII 3, ext. 8 (vafre dicta aut facta): о хитрости Ганнибала.

[18] Sil. Pun. VIII 253: (о Варроне) hunc Fabios inter sacrataque nomina Marti / Scipiadas interque Iovi spolia alta ferentem / Marcellum fastis labem suffragia caeca / addiderant. Val. Max. I 1, 16 (о пренебрежении религией); Val. Max. III 4, 4 (о тех, кто родились в скромности и стали знаменитыми); IV 5, 2 (о скромности): confregit rem publicam Terentius Varro Cannensis pugnae temerario ingressu. idem delatam ab universo senatu et populo dictaturam recipere non sustinendo pudore culpam maximae cladis redemit, effecitque ut acies deorum irae, modestia ipsius moribus imputaretur.

Варрон не относится к положительным примерам. В нескольких пассажах он описывается как хвастливый и лживый человек, презирающий богов и пренебрегающий достойным поведением, но — во всяком случае порой — весьма успешный.

Я проанализировала каталоги в эпосе, т. е. отрывки из поэтических произведений, в которые редко вчитываются, но которые часто цитируют [Reitz (forthcoming); 2017]. В Pun. VIII приведен длинный и по форме слишком дидактический каталог римских войск. Один из немногих исследователей, которого следует упомянуть, говоря о нескольких примерах параллельных мест у Валерия Максима, — Энрико Ариемма [Ariemma 2000]. По моему мнению, если современные читатели испытывают затруднения при чтении длинных списков имен, местностей и прошлых (или будущих) событий, то античные читатели скорее всего находили их не столь нудными, и не только из-за присущих им общих черт (дидактики, этиологии, особенностей построения и т. п.), но и потому, что рубрикация в целом была привычным, широко практикуемым способом мыслить и высказываться, интеллектуальной манерой упорядочивать многочисленные наименования и персонажи. Таким образом, перекрестные ссылки на другие эпохи посредством упоминания gens (рода) или отдельного персонажа являются естественным способом сочетать события и моральную (или аморальную) мотивацию определенных поступков и решений.

Как я уже упоминала выше, существует глава, известная как книга X в «Эпитоме» Юлия Париса, которая содержит перечисление ряда имен. Это сочинение по ономастике, которое, очевидно, опирается на более ранние трактаты по грамматике, датируемые имперским периодом (например, трактаты Веррия Флакка и Варрона); в нем дан обзор имен в целом, а также имен первых лиц и знатных семейств. Я полагаю, что этот небольшой научный трактат не случайно сохранился благодаря рукописной традиции труда Валерия Максима. В своем прежнем, не фрагментарном состоянии он мог способствовать пониманию более сложных и, вероятно, спорных текстов, служа читателю справочником имен и их значений. Мне показался очень интересным вводный текст к «примеру» Брута, определяющий его как привлекательного и обаятельного персонажа (Val. Max. VIII 607, 12), но, к сожалению, я не обнаружила у Валерия Максима параллельного места с дополнительным описанием этих качеств привлекательности и доброжелательности.

В заключение перейду к «примеру» Торквата. После поражения при Каннах Торкват произносит знаменитую речь. Сенаторы в отчаянии, а некоторые из них даже предлагают отдать Рим врагу и бежать на юг. Именно в этот момент отчаяния появляется Торкват. Это событие и произнесенная по этому случаю речь, на мой взгляд, стали поворотным моментом. Торкват и его знаменитые предки упоминаются в «Пунике» (XI 73): Hic Torquatus, avum fronte aequavisse severa / nobilis… Затем следует длинная речь Торквата. Должно быть, эта речь была известна, и ее также можно найти в труде Валерия Максима под рубрикой «Graviter dicta et facta» («Суровые изречения и деяния», VI 4, 1)[19]. Кемпф

[19] Val. Max. VI 4, 1 (Graviter dicta et facta): Civitate nostra Cannensi clade perculsa ‹…› Tunc Manlius Torquatus, filius eius qui Latinos apud Veserim incluta pugna fuderat, quam poterat clara voce denuntiavit, si quis sociorum inter patres conscriptos sententiam deicere ausus esset, continuo eum interempturum.

в указателе издания Валерия Максима, впервые изданном в 1854 г., сетует: «[Torquatus] ubi non solum cum Torquato cs. 340, sed etiam cs. 234, 224 et cum huius filio confusus est» [Kempf 1888][20]. Однако именно так функционирует родословная в историографической мысли Древнего Рима!

Можно привести и другие «поучительные примеры». Самым интересным кажется «пример» Регула — человека, воплощающего понятия constantia (стойкости) и fides (верности). Он не только является главным действующим лицом в VI книге «Пуники», Регул изображен на щите Ганнибала и упоминается в речи Гестара. Полагаю, стоило бы также проследить употребление exempla дружбы. Я также намерена проанализировать упоминание Силием известных имен, например Сцеволы, — и вовсе не для того, чтобы выявить в нем республиканские убеждения, что стало предметом исследования некоторых коллег[21]. Я считаю, что это дало бы нам более точное представление о том, как Силий и его читатели мыслили, проводили ассоциации и использовали материал из сокровищницы своей памяти. Однако полезно было бы проанализировать и отрицательных героев, а также героинь, например Юнону в книге X: Юнона, приняв образ Метелла, дает оскорбительный совет и тут же автоматически получает соответствующий ответ Павла, который говорит, будто следуя руководству «поучительных примеров», и демонстрирует богине не только как поступают истинные римляне, но и как они говорят![22]

Подводя итоги, хочу подчеркнуть, что я не занимаюсь поиском утерянных источников, утраченных пассажей Ливия и что моей целью не является очередное обращение к источниковедению (Quellenkritik). Я хорошо понимаю, что exempla играют важную роль не только в риторике, но и в философском дискурсе. Например, рассказ о Регуле можно интерпретировать с разных точек зрения и обсуждать в разных контекстах. Цицерон использует этот прием не только в трактате «Об обязанностях» (de off. 3) в дискуссии о honestum (достойном) и utile (пользе), но также и в «Филиппиках» (Phil. 11), и в речи «Против Кальпурния Пизона». Однако я полагаю, что было бы плодотворно пройтись по содержанию «Пуники» (и по другим эпическим текстам) с трудом Валерия Максима в руках и в голове. Это обеспечило бы прочтение с политической точки зрения, отражающей современную источнику политическую культуру, без бесплотных попыток идентифицировать политическое и идеологическое самопозиционирование автора.

Пер. с англ. ***Е. В. Илюшечкиной***

[20] «[Торкват] перепутан не только с Торкватом, консулом 340 г. до н. э., и даже консулом 234 и 224 гг. до н. э., а также с его сыном». — *Прим. переводчика*.

[21] Другие примеры касаются Регула (Pun. VI, passim), Гестара (Sil. Pun. II 340), Pun. II 435 (scutum Hannibalis); Сцеволы (Pun. IX 370); Мария и Каспера, как пример дружбы (Val. Max. IX 4, 1). Вопрос относительно дискуссии о возможной политической интерпретации будет затронут и подытожен в книге [Dominik (forthcoming)].

[22] Mala exempla: Pun. X 14–16 (Iuno sub veste Metelli tecta) и ответ Павла в X 61–69.

Литература

Augoustakis 2009 — Brill's companion to Silius Italicus / Ed. by A. Augoustakis. Leiden: Brill, 2009.

Ariemma 2000 — Alla vigilia di Canne: commentario al libro VIII dei Punica di Silio Italico / A cura di E. M. Ariemma. Napoli: Loffredo, 2000.

Dominik (forthcoming) — *Dominik W.* Rewriting the past in Imperial Rome: A political reading of Silius Italicus' *Punica*.

Horster, Reitz 2010 — *Horster M., Reitz Ch.* 'Condensation' of literature and the pragmatics of literary production // Condensing texts — condensed texts / Ed. by M. Horster, Ch. Reitz. Stuttgart: F. Steiner, 2010. P. 3–14.

Horster, Reitz (forthcoming) — *Horster M., Reitz Chr.* Handbooks, epitomes, florilegia: Late antique variations on the short form // Blackwell-Wiley companion to late antique literature / Ed. by S. McGill, E. Watts (forthcoming).

Kempf 1888 — *Kempf C.* Valeri Maximi Factorum et dictorum libri novem cum incerti auctoris fragmento de praenominibus. Lipsiae: Teubner (Berolini: Reimer, 1854[1]).

Langlands 2011 — *Langlands R.* Roman exempla and situation ethics: Valerius Maximus and Cicero *de Officiis* // Journal of Roman Studies. Vol. 101. 2011. P. 100–122.

Lowrie 2010 — *Lowrie M.* Spurius Maelius: Homo Sacer and dictatorship // Citizens of discord: Rome and its civil wars / Ed. by B. Breed, C. Damon, A. Rossi. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. P. 171–186.

Lucarelli 2007 — *Lucarelli U*. Exemplarische Vergangenheit: Valerius Maximus und die Konstruktion des sozialen Raumes in der frühen Kaiserzeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007.

Radicke 2004 — *Radicke J.* Lucans poetische Technik: Studien zum historischen Epos. Leiden; Boston: Brill, 2004.

Reitz 2014 — *Reitz Ch*. [Review of Wiegand 2013] // Bryn Mawr Classical Review. 2014.10.47. URL: http://bmcr.brynmawr.edu/2014/2014-10-47.html.

Reitz 2016 — *Reitz Ch.* Burning for Rome. The fortunes of Mucius Scaevola // Classico Contemporaneo. No. 2. 2016. P. 1–12. URL: http://www.classicocontemporaneo.eu/index.php/archivio/numero-2/orizzonti-3/227-burning-for-rome-the-fortunes-of-mucius-scaevola.

Reitz 2017 — *Reitz Ch.* Das Unendliche beginnen und sein Ende finden — Strukturen des Aufzählens in epischer Dichtung // Anfänge und Enden. Narrative Potentiale des antiken und nachantiken Epos / Hrsg. C. Schmitz, A. Jöne, J. Kortmann. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2017. S. 105–118.

Reitz (forthcoming) — *Reitz Ch.* Reliability and evasiveness in epic catalogues // Lists and catalogues: Proceedings of the Panel 'Lists and Catalogues' of the Celtic Classics Conference, Edinburgh 2014 / Ed. by K. Wesselmann, C. Scheidegger-Lämmle, R. Lämmle. Cambridge.

Roller 2004 — *Roller M. B.* Exemplarity in Roman culture. The cases of Horatius Cocles and Cloelia // Classical Philology. Vol. 99. No. 1. 2004. P. 1–56.

Schindler, Föcking (forthcoming) — Klassik und Klassizismen in der Literatur zwischen römischer Kaiserzeit und italienischer Renaissance / Hrsg. C. Schindler, M. Föcking. Hamburg, 2017.

Tipping 2010a — *Tipping B.* Exemplary Epic. Silius Italicus' *Punica*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.

Tipping 2010b — *Tipping B.* Virtue and narrative in Silius Italicus' *Punica* // Brill's companion to Silius Italicus / Ed. by A. Augoustakis. Leiden: Brill, 2010. P. 193–218.

Wiegand 2013 — *Wiegand I.* Neque libere neque vere: die Literatur unter Tiberius und der Diskurs der res publica continua. Tübingen: Narr Verlag, 2013.

Political allusion and exemplary thinking in Silius Italicus' *Punica*

Reitz, Christiane
PhD
Professor,
Heinrich Schliemann-Institut für Altertumswissenschaften,
University of Rostock
Universitätsplatz 1, D-18051 Rostock, Germany
Tel.: +49 (0) 381-498-2781
E-mail: christiane.reitz@uni-rostock.de

Abstract. Instead of trying to prove political allusion and political positioning for authors of poetic works, namely epic poetry, it seems more rewarding to look for contemporary sources. The paper suggests reading Silius Italicus' epic poem on the Second Punic War with a view to Valerius Maximus' work on the deeds and sayings of exemplary men. Exemplarity as a mode of thinking, narrating and evaluating historical facts is made evident by juxtaposing these two very diverse literary works.

Keywords: Silius Italicus, Valerius Maximus, Exemplarity, paradeigma, Famous Deeds, Scipio Africanus, Battle of Cannae, Quintilian

References

Augoustakis, A. (Ed.) (2009). *Brill's companion to Silius Italicus.* Leiden: Brill.

Ariemma, E. M. (Ed.) (2000). *Alla vigilia di Canne: commentario al libro VIII dei Punica di Silio Italico.* Napoli: Loffredo. (In Italian).

Dominik, W. (forthcoming). *Rewriting the past in Imperial Rome: A political reading of Silius Italicus' Punica.*

Horster, M., Reitz, Ch. (2010). 'Condensation' of literature and the pragmatics of literary production. In M. Horster, Ch. Reitz (Eds.). *Condensing texts — condensed texts*, 3–14. Stuttgart: F. Steiner.

Horster, M., Reitz, Ch. (forthcoming). Handbooks, epitomes, florilegia: Late antique variations on the short form. In S. McGill, E. Watts (Eds.). *Blackwell-Wiley companion to late antique literature.*

Kempf, C. (1888). *Valeri Maximi Factorum et dictorum libri novem cum incerti auctoris fragmento de praenominibus.* Lipsiae: Teubner (Berolini: Reimer, 1854[1]). (In Latin).

Langlands, R. (2011). Roman exempla and situation ethics: Valerius Maximus and Cicero *de Officiis*. *Journal of Roman Studies, 101*, 100–122.

Lowrie, M. (2010). Spurius Maelius: Homo sacer and dictatorship. In B. Breed, C. Damon, A. Rossi (Eds.). *Citizens of discord: Rome and its civil wars*, 171–186. Oxford: Oxford Univ. Press.

Lucarelli, U. (2007). *Exemplarische Vergangenheit: Valerius Maximus und die Konstruktion des sozialen Raumes in der frühen Kaiserzeit.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).

Radicke, J. (2004). *Lucans poetische Technik: Studien zum historischen Epos.* Leiden; Boston: Brill. (In German).

Reitz, Ch. (2014). [Review of Wiegand 2013]. Bryn Mawr Classical Review (2014.10.47). Retrieved from http://bmcr.brynmawr.edu/2014/2014-10-47.html.

Reitz, Ch. (2016). Burning for Rome. The fortunes of Mucius Scaevola. *Classico Contemporaneo, 2*, 1–12. Retrieved from http://www.classicocontemporaneo.eu/index.php/archivio/numero-2/orizzonti-3/227-burning-for-rome-the-fortunes-of-mucius-scaevola.

Reitz, Ch. (2017). Das Unendliche beginnen und sein Ende finden — Strukturen des Aufzählens in epischer Dichtung. In C. Schmitz, A. Jöne, J. Kortmann (Eds.). *Anfänge und Enden. Narrative Potentiale des antiken und nachantiken Epos*, 105–118. Heidelberg: Universitätsverlag Winter. (In German).

Reitz, Ch. (forthcoming). Reliability and evasiveness in epic catalogues. In K. Wesselmann, C. Scheidegger-Lämmle, R. Lämmle (Eds.). *Lists and catalogues: Proceedings of the Panel 'Lists and Catalogues' of the Celtic Classics Conference, Edinburgh 2014*. Cambridge.

Roller, M. B. (2004). Exemplarity in Roman culture. The cases of Horatius Cocles and Cloelia. *Classical Philology, 99*(1), 1–56.

Schindler, C., Föcking, M. (Eds.) (2017). *Klassik und Klassizismen in der Literatur zwischen römischer Kaiserzeit und italienischer Renaissance*. Hamburg (forthcoming).

Tipping, B. (2010a). *Exemplary Epic. Silius Italicus' Punica.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Tipping, B. (2010b). Virtue and narrative in Silius Italicus' Punica. In A. Augoustakis (Ed.). *Brill's companion to Silius Italicus*, 193–218. Leiden: Brill.

Wiegand, I. (2013). *Neque libere neque vere: die Literatur unter Tiberius und der Diskurs der res publica continua.* Tübingen: Narr Verlag. (In German).

To cite this article:

Raitts, K (= Reitz, Ch.) (2017). Politicheskaia alliuziia i "pouchitel'nye primery" v epicheskoi poeme Siliia Italika "Punika" [Political allusion and exemplary thinking in Silius Italicus' *Punica*]. Trans. by E. V. Ilyushechkina. *Shagi / Steps, 3*(4), 202–212. (In Russian).

Received August 10, 2017